

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Фото автора на переплете YVONNE ВОЕНЛЕР

Шишкин, Михаил Павлович.
Ш65 Записки Ларионова : роман / Михаил Шишкин. — Москва : Издательство АСТ :
Редакция Елены Шубиной, 2020. — 349, [3] с. — (Михаил Шишкин: Уроки калли-
графии).

ISBN 978-5-17-121177-6

На долю помещика Ларионова выпали и счастливое детство в родительской усадьбе, и учеба в кадетском корпусе, и военная служба при Аракчееве, и тихая помещицья жизнь, и чиновничество в губернском городе. Его судьбой могли заинтересоваться Пушкин, Гончаров или Тургенев... но сюжет подхвачен через две сотни лет Михаилом Шишкиным.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121177-6

- © Шишкин М.П., 2010, 2019.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2019.
- © ООО "Издательство АСТ", 2019.

Оглавление

Первая тетрадь

7

Вторая тетрадь

179

Третья тетрадь

325

Первая тетрадь

Добрый мой Алексей Алексеевич!
Вот перед Вами на листках не лучшей
бумаги, исписанных старозаветным
почерком, история моей жизни.
Сейчас, когда я пишу эти строки, руко-
пись не завершена, до конца еще дале-
ко, но мне хотелось бы все объяснить Вам теперь, не
дожидаясь последней точки. Я стар и болен, и мало
ли что может случиться. *Omnes una manet nox*¹, —
как написал когда-то Гораций.

Дожив до седин, я прекрасно понимаю всю не-
обязательность этого труда. Он был вызван к жиз-
ни, поверьте, лишь долгими зимними вечерами,
вынужденным деревенским бездельем да одиноче-
ством. Смешно, подобно наивному мемуаристу, ду-
мать осчастливить мир изложением подробностей
чьей-то далекой чужой жизни, до которых никому
нет никакого дела и которые лишь в самом авторе
способны возбудить печаль или радость воспомина-

¹ Всех ожидает одна ночь (*лат.*).

ний да учащенное биение сердца от какой-нибудь неловкости, или признания, или анекдота, приключившегося с ним Бог знает когда. Чтобы писать мемуары, надобно выслужиться у истории, а я в этой службе не выбился и в унтеры, сами знаете. Мировые бури обошли стороной мой домик, занесенный снегом по самые окна. Великие люди представляли предо мной большей частью в литографированном виде. Сам я в жизни, хоть прожил ее просто и честно, ничего выдающегося не совершил, чтобы заслужить благодарность потомков.

Считайте, что я пишу эти записки, последовав Вашему шутливому совету. Помните, в один из приездов Вы утверждали за травничком, что составление мемуаров благотворно для организма? Как всякий уездный доктор, Вы любую мысль или чувство готовы приписать действию пищи или газов. Видно, совсем плохо дело пациента, если ему прописывают подобный рецепт.

Милый мой Алексей Алексеевич, Вы не представляете себе, как я огорчился, узнав о Вашем скором переезде в столицу, хоть и рад искренне, что Вы наконец женитесь, и надеюсь, что счастливо. Вы сожалели, что придется покинуть наши края, вполне, впрочем, приговорно, но я Вам верил. Как объяснить Вам, кем Вы стали для меня за эти годы? Невозможно рассказать, что значат Ваши приезды для человека, чье жизненное пространство ограничено лишь двумя комнатами, — другие не топятя из экономии, а кругом зима. В провинции исчисляют время почтовыми днями, но я давно забыл, когда они у нас. Так уж получилось,

мой добрый доктор, что Ваши приезды, участвовавшие в последний год, Ваши рассуждения о политике, о нынешней беллетристике, даже уездные сплетни сделались для меня важнее всех Ваших наперстянок, диет, шпанских мушек и омерзительных микстур, которыми у меня заставлен целый стол.

Я сделал уже необходимые распоряжения. Тетради лежат в верхнем ящике бюро. Их отошлют Вам. Не обижайтесь, милый Алексей Алексеевич, ведь Вы сами виноваты, что приручили к себе одинокого старика, раздутого водянкой.

Еще я распорядился, чтобы Вам послали мой письменный прибор. Не считите за старческий каприз, но мне будет приятно, если Вы поставите эту старинную безделку у себя на столе. Может, хоть изредка будете, глядя на нее, вспоминать наши забавные беседы, да, как некогда, щелкать по носу то пастушка с чернильницей, то пастушку с песочницей.

Остаюсь Ваш

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ ЛАРИОНОВ

Я родился в третий год нашего странного века, века великих изобретений, великих помыслов, великих мятежей и великого порядка. Родился на самую Пасху. Пасхальное дитя и вправду принесло матушке счастье долголетнего материнства — все мои старшие братья и сестры умирали в младенчестве. И неудивительно, что матушка баловала меня. В белокуром ангелочке, чудом выжившем, она видела весь немногий смысл своего существования.

Мой отец, малодушный, как тогда говорили, помещик, имел деревеньку в Барышенском уезде Симбирской губернии, который и сейчас не в любви у просвещения и прогресса, а тогда и вовсе был край дикий, звериный, и в лесах, как рассказывали мамки, перед каждым голодным годом появлялось множество грибов.

Вот там, в Стоговке, а вернее сказать, здесь, ибо за окном тот же сад, в саду виден сейчас, когда нет листьев, тот же дуб, да все то же, хотя прошла целая жизнь, я и родился и пишу сейчас эти строки. Стежок был невелик, и иголка вернулась к узелку.

Я был ребенком слабым, болезненным, золотушного расположения и, как уже сказал, жизнью своею обязан чудесному исцелению. Матушка показывала меня всем докторам, которых злая судьба забрасывала в нашу тьмутаракань, и часто возила для того же в Симбирск, но все без видимого успеха. То ли заезжие немцы-доктора были плохи, то ли туземные аптекари, их одичавшие в России родичи, неумело варили декокты, так или иначе толку от их лечения было мало. И если бы не моя добрая тетушка Елизавета Петровна, старая девушка с костылем и черепаховой табакеркой, с которой никогда не расставалась, как знать, не убежал бы из родительского дома и этот тщедушный мальчик туда, откуда протягивали ему руки братья и сестры.

По Симбирску в то время бряцал цепями юродивый Андреюшка, злой дурачок, лаявший на всех и евший только с земли, стоя на четвереньках. Я, конечно, ничего этого не помню, но, по преданию,

тетушка втайне от моего отца, человека особенного, но о нем еще впереди, притащила меня к Андреюшке, и тот наказал поить меня болотной водицей. И что же? Согласно любимой тетушкиной мудрости — что немцу смерть, то русскому здорово, — я выздоровел.

Омерзительный вкус вонючей зеленой жидкости, которую вливали мне в рот, разжимая зубы ложкой, и сейчас живет у меня где-то под языком.

Отец мой был чем-то сильно обижен в предыдущее царствование. История эта держалась от меня, да и от всех соседей и родственников в тайне. Все знали лишь только, что мой отец, будучи человеком гордым и с честью, правда, как убеждала тетка свою сестру, неправильно понятой, вдруг оставил службу, а он был гвардейским офицером, заперся у себя в деревне и стал ничего не делать, будто мстил кому-то своей неудавшейся жизнью. Ему предлагали служить по выборам, он отказался. Советовали заняться имением, он отдал все хозяйство в руки старосты-вора. Он опустил, был неопрятен, ходил круглый год в халате и обрезанных валенках, не хотел никого видеть, ни с кем знаться, переругался с соседями, с губернским и уездным начальством и ненавидел, кажется, всех на свете, а больше всего мою мать.

Видно, матушка искала утешения у моей кроватки, затянутой парусиной, потому что помню ее ночью, в темноте, в слезах. Очень хорошо вижу капли и на щеках, и на носу, и на ее руках, потому что из окна падал свет луны. Не понимая, отчего она ры-

дает, и не веря в объяснение о порошке-плакунчике, который помогает от мигрени, я сам принимался плакать вместе с ней, и так, прижимаясь друг к другу, мы на пару выли на луну, пока не открывалась дверь из соседней комнаты, вот этой, в которой я сейчас пишу эти строки. На пороге стоял мой отец, взъерошенный, страшный, с подушкой на плече — он всегда, чтобы уснуть, накрывал голову еще одной подушкой, — и говорил что-то грубое, жестокое. Матушка быстро укладывала меня, и их ссоры за дверью продолжались иногда до утра.

Отца часто охватывали приступы беспричинного гнева. Точнее, все начиналось с пустяка, например, из-за нечаянного сквозняка, или с того, что матушка, чтобы как-то развеять отца, начинала рассуждать о европейской войне, или просто он не мог найти очки. Тогда лицо вдруг наливалось кровью, глаза мутнели, рот кривился, руки дрожали. Он начинал что-то выкрикивать, бегать по комнатам, бить посуду, часто доставалось и матушке, которая пыталась его успокоить. Когда у отца начинался приступ, меня запирали в детской или няньки поскорее уходили со мной гулять куда-нибудь подальше. Припадки эти заканчивались обычно одинаково. Приходили конюхи, два здоровенных мужика, и, зная свое дело, почтительно, но уверенно скручивали его и вязали кушаками по рукам и ногам. Отец дрался, пытался вырваться, лягался, кусался, кричал, ругался самыми площадными словами. Его осторожно клали на диван, обкладывали со всех сторон подушками, чтобы он не ударился головой. Так отец бился, связанный

в подушках, иногда с целый час. Потом крики превращались в хрип и постепенно переходили в бесильные рыдания. Отца развязывали, и он долго лежал в объятиях матушки, совсем по-детски всхлипывая, а она гладила его редкие седые волосы и молчала. Потом отец сам давал конюхам по полтине и уходил во двор. После своих припадков он обычно подолгу бродил по окрестностям, угрюмый, всклокоченный.

Не знаю, любила ли матушка отца. Мне кажется — да, несмотря на то что ее жизнь в этом доме состояла из одних унижений. Она пыталась как-то спасти мужа, не дать ему окончательно опуститься, выписывала книги, старалась приглашать в дом гостей, но книги оставались неразрезанными, а знакомства благодаря выходкам отца перевелись. К тому же в последние годы он все чаще стал предупреждать свои приступы водкой, но это снадобье только еще сильнее распяло его.

Мне хорошо запомнился тот последний раз, когда у нас были гости, как раз на матушкины именины, на Татьянин день. Накануне она целый вечер проговорила с отцом в его кабинете. Я слышал из-за дверей, как она плакала и просила его о чем-то и он поклялся, что выполнит ее просьбу. Я поразился, что, когда отец вышел, на его глазах тоже были слезы.

Помню, что матушка сильно волновалась и, когда стали приезжать гости, неестественно громко смеялась, краснела, чересчур восхищалась подарками, а сама все поглядывала на двери, из которых должен был выйти отец. Матушка развлекала гостей мною, что удавалось не без труда. Я был ребенком-букою,